

Г л а в а 11

АЗБУКИ ПУТЕВЫЕ, ДЕМЕСТВЕННЫЕ И ДРУГИХ СИСТЕМ

Знаменная (столповая) нотация занимает, как неоднократно подчеркивалось, господствующее положение среди всех русских безлинейных нотаций. Поэтому нет ничего удивительного в том, что этой нотации и знаменному распеву посвящено подавляющее большинство сохранившихся музыкально-теоретических руководств. Наряду со знаменной, с течением времени стали известны другие, тоже безлинейные нотации: демественная, путевая и Казанская (Казанское знамя), а также еще несколько видов нотаций, имеющих экспериментальное значение и составляющих особую группу. По степени распространенности разных (второстепенных) видов безлинейного нотного письма на первое место должна быть поставлена путевая нотация (путевое знамя), на второе — демественная (демественное знамя). На Казанское знамя и некоторые другие нотации нельзя смотреть, как на имеющие серьезное значение в практическом или в научном отношении.

Среди многих частей рассмотренной в четвертой главе азбуки инока Христофора имеется одна часть под заголовком (л. 1003 об.) «Согласие знамени с путным знаменем, сии речь како поется путь против знамени и решение путному знамени в коем же гласу».

Заголовок очень интересен. «Согласие» знамени с путным (то есть с путевым) следует понимать как согласование, сопоставление одного знамени с другим. Какое знамя согласуется с путным, из заголовка не видно. Конечно, под ним следует понимать *столовое* знамя, знаменную нотацию. Такое понимание подтверждается дальнейшей частью заголовка — «сии речь како поется путь против знамени». И *путь и знамя*, таким образом, следует рассматривать более широко — не только как нотацию, но как путевой и знаменный распевы, изложенные посредством соответствующих им нотаций. Далее: «и *решение* путному знамени в коем же гласу». Термин *решение* нам не приходилось видеть ни в каком другом руководстве. Смысл слова *решение* понятен: в настоящем случае он по значению совпадает с *разводом*. Окончание заголовка указывает на то, что данный отдел азбуки соответствует гласовой системе и изложен, как оно в действительности и есть, в порядке восьми гласов.

«Согласие знамени» построено следующим образом. Строки знамен на один и тот же текст показаны три раза подряд, одна за другой (текст каждый раз начинается с красной буквы). Первые две строки не совпадают: в них сопоставляются разные нотации и разные распевы (путевой и знаменны). В третьей строке дается развод путевого знамени дробным столповым. Вторая и третья строки также совпадать не могут. Которая же из трех строк, одинаковых по тексту, должна считаться основной? Если строку 1 принять за основу всего построения, то строка 2 будет ее «дословным» мелодическим повторением, только в другой нотации.

В схеме построения «Согласия» имеется ряд исключений, когда даются только две строки (без первой). Следовательно, строки 2 и 3 должны быть сохранены при всех условиях. Стока 2 и есть тот путевой участок всего «Согласия», который «решается» дробными столповыми знаменами, то есть в строке 3 просто подвергается переводу на крюки строка 2. Для чего же предназначена строка 1? Для того, чтобы поющему был ясен напев попевки и ее графическое знаменное изображение. Разводу дробным знаменем должно соответствовать знаменное же ее краткое изображение. Почему Христофор иногда опускает первую строку, остается неясным. Это недостаток руководства, которое от этого не теряет своего выдающегося значения: Христофор нашел новую форму изложения, известную только по его азбуке. Быть может, ее правильнее назвать даже не новой, а единственной в своем роде.

В какой-то степени изложение Христофора можно назвать двознаменником. У Христофора тексты с разными нотациями находятся рядом, написаны в одну строку. Поэтому его «Согласие знамени» можно считать одной из первоначальных, «скрытых» форм двознаменного изложения. Полнота и систематичность показа путевого знамени, новизна формы и то, что автор азбуки в показе путевого знамени (а тем самым и распева) отталкивается от понятия попевки, выдвигают его азбуку в ряд выдающихся руководств. Она показывает, что инок Христофор как музыкант-теоретик значительно опередил и свое время, и своих товарищей распевщиков, работавших на том же поприще.

В поздних рукописях XVII и XVIII веков нередко можно встретить демественные азбуки с переводом демества на крюки; что же до путевых азбук, то их мало. Особенностью последних является то, что они представляют собой перечисления путевых знамен без их музыкального истолкования средствами знаменной или иной нотации. В связи со сказанным путевую азбуку Христофора, особенно учитывая ее достоинства, «двознаменность» и принадлежность к первым годам XVII века, следует считать уникальной.

После толкования столпового знамени дано (лл. 1012 об.—1013 об.) перечисление путевого знамени: «Имена путного зна-

мени, иже не обретаются в столповом знамени, и решение ему розведено против столповым знаменем». Это перечисление, сделанное Христофором, следует считать наиболее ранним среди известных. В силу этого оно представляет значительный интерес, в частности со стороны терминологической.

Перечень путного знамени таков:

Сокольице	Непостоянная	<i>Стрела</i>
<i>Голубчик</i> ¹	Двоечелная	Отметная
Светлый	Двоечелная	Непостоянная
Тресветлои	с ключиком	<i>Поводная</i>
Мрачной	Мрачная	Мрачночелная
Ометной	Светлая	<i>Сорочья ножка</i>
Светлоометной	Светлоометной	С крыжиком
Слогня	С рогом	<i>Челюстка</i>
Врахия	С сорочьею ножкою	<i>Кулизма</i>
Мрачная	Заножец	Ключевая
Светлая	Мрачной	<i>Стопица</i>
Тресветлая	<i>Подчашие</i>	<i>Крюк</i>
Светлоключная	Мрачное	Светлои
Опашная	Ключевое	Ключевои
С крыжем	Ометное	Светлокрыжной
<i>Переводка</i>	С крыжем	Крыжной
Непостоянная	<i>Мечик</i>	Мрачной
Светлочелная	Ключевой	Ометной
Челная	Мрачноключевой	<i>Параклит</i>
Зелная с крыжем	Светлоключевой	С крыжем
С двема крыжи	Ометной	Статья
С ключиком	С крыжем	<i>Мрачная</i>
<i>Поездная</i>	<i>Воздернутая</i>	<i>Светлая</i>
Ключенепостоянная	Ключевая	С сорочьею ножкою
Ключеповодная	Непостоянная	Закрытая
С крыжеповодная	ключевая	Мрачная
Опашноповодная	<i>Осока</i>	<i>Сложития</i>
<i>Скамеица</i>		

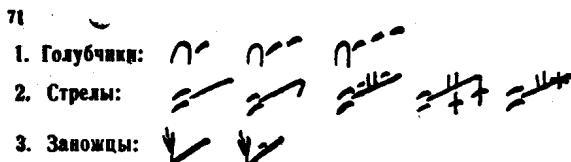
В конце, как обычно для азбук-перечислений, помещены начертания и названия нескольких фит: «Фита громная, постоянная, поводная, громозелная».

В заголовке, помещенном в начале перечисления путевого знамени, сказано: «Имена путного знамени, иже не обретаются в столповом...». Сопоставление путевого и столпового «алфавитов» показывает, что в них имеется довольно значительное число — более четвертой части — совпадающих наименований. Этим наименованиям в большинстве случаев соответствуют общие начертания знамен. (Забегая несколько вперед, заметим, что то же самое можно сказать и относительно демества.) Следовательно, слова Христофора о путевом знамени, что оно «в столповом не обретается», нужно относить не только к их названиям и к графической стороне: Христофор не мог не видеть и не знать совпадения многих начертаний и наименований. Прежде чем окончательно разобраться в этом, рассмотрим,

¹ Подчеркнуты названия, совпадающие с названиями столпового знамени.

в чем отличие начертаний путевых (и демественных) знамен от столповых.

Подобно столповым, в путевых знаменах можно встретить одинаковые начертания при разных наименованиях и, наоборот, одинаковые наименования при разных начертаниях. Есть ли, при всем этом, в путевой нотации что-либо такое, что делало бы ее по самому существу отличной от столпового знамени? Рассмотрим несколько путевых знамен.

Знамя первое — голубчики: простой, светлый и тресветлый. Новым является добавление к обыкновенному (в знаменной нотации — «тихому») голубчику дополнительных черт справа, отчего изменяется наименование, подобно тому, как это имеет место, например, у стрел в случаях добавления к ним знаков «мрака» или «света» над горизонтальной чертой.

Знамя второе — стрелы: просто стрела, стрела отметная, светлочелная, челная с двема крыжи и челная же «с ключиком». В новых начертаниях сохраняются основные составные части знаменной стрелы простой — статья простая и присоединенная к ней справа горизонтальная черта, но к этой основе добавляются отдельные элементы других знамен. Стрела «отметная» имеет справа еще небольшую вертикальную черту, напоминающую вертикальную же черту крюка, только обращенную вниз. В стреле светлочелной между знаками «света» прибавлены две вертикальные черточки, заимствованные из столпового начертания два в челну. В стреле челной с двема крыжи при горизонтальной черте сохраняются те же черточки от двух в челну, но прибавлены под чертой два небольших крыжа. Наконец, нетрудно заметить, что у стрелы челной с ключиком отличительным признаком является крестик на горизонтальной черте, как у знаменного ключа (иначе — крюка ключевого).

Другие путевые знамена образованы аналогично. Так, запомчицы состоят из крюка с добавлением в верхней части вертикальной черты сорочьей ноги. Из этого вывод: теоретические руководства (азбуки) путевого знамени показывают, что *путевая нотация является не самостоятельной, но производной*. Начертания (знамена) путевой нотации построены из *отдельных целых знамен и частей начертаний столпового знамени*. Это подтверждает, что путевое знамя в столповом «не обретается», а образуется, так сказать, из «расчленения» столпового знамени (что можно повторить и о деместве).

Сказанное следует понимать с некоторой оговоркой, ибо ряд начертаний путевого знамени, как сказано, заимствован из столповой нотации без каких-либо изменений (например, статьи

и др.). Знамен же путевых, составленных из отдельных элементов столпового знамени (в перестановках и сочетаниях, в последнем не встречающихся), очень много. Как же могут «не обретаться» в столповом знамени те начертания (знамена), которые с графической стороны полностью совпадают с путевыми? Для таких знамен выражение «не обретаются» следует понимать только в мелодическом значении. Их распевы не совпадают с распевами столповых знамен аналогичных начертаний. Что же до графически различных начертаний, то их действительно в знаменной нотации нет: они употребляются в тех сочетаниях и перестановках отдельных элементов, которые мы и находим в путевом знамени.

В общности отдельных начертаний путевой и знаменной нотаций заключается известный недостаток путевой нотации. Он же невольно является и помехой на пути расшифровки ряда участков беспометных песнопений XVI и первой половины XVII веков. В это время, особенно в «Обиходах», нередко можно встретить поочередное изложение песнопений то знаменным, то путевым распевом. Если они не сложны по напеву, то в них используются преимущественно более простые знамена, в том числе общие двум рассматриваемым нотациям, из чего может проистечь неточность их мелодического понимания.

Окончание заголовка перечисления говорит о том, что в азбуке дано «решение ему» (путному знамени) и что оно «разведено против столповым знаменем». Этот участок заголовка повторен (л. 1013 об.) в маленьком подзаголовке перед таблицей: «А се путное знамя разведено столповым». Следующая за этим таблица является прообразом подобного рода таблиц более поздних азбук (второй половины XVII и XVIII веков), в частности знаменно-демественных. Таблица построена из трех (иногда четырех) пар вертикальных столбцов, из коих в первых киноварью даны путевые знамена, а во вторых — чернилами их развод столповым знаменем. Азбука Христофора — наиболее ранний образец построения такого рода схемы.

Далее (л. 1015) в азбуке помещен «Розвод знамени мудрому и фитам изо всех гласов, еже в Праздницах и в Октаике, и в Триоди, се же имена им. Площадка». Последнее слово говорит о том, что Христофор имел в виду дать попевки и назвал одну из них — «площадку». Однако в его азбуке уже имеется самостоятельный отдел, посвященный кокизам. Появление «площадки» в данном месте случайно. Под «знаменем мудрым» следует понимать обычные «разводные строки», тем более, что и фиты автор азбуки дает тоже прямо в разводе, без их начертаний и наименований. Разводы даны с указаниями на их гласовую принадлежность, так же как и на службы, из которых они заимствованы. Завершается фитник записью (л. 1028 и об.): «А что прочих фит в охтаи, то те ж, кои в стихорале. А кои фиты в церковном обиходе, и в заутрени... и во всенощном,

и в вечерни, и в постном обиходе — те тамо фиты и готовы разведены». Такой прием — отсыл к определенным песнопениям, в которых фиты даны в уже готовом, разведенном виде — как подражание встречается и в других, более поздних фитниках (его мы находим и у Мезенца).

После перечисления путевого знамени в азбуке инока Христофора сделана приписка (л. 1013 об.): «А у коего знамени обрящеши в начале приписан крыж, еже есть сице:

— таковое знамя поется низко».¹

Показ отдельных знамен с крыжами уже приходилось встречать, но в связи не с путевым, а со столповым знаменем. Говорилось, например, о крюке и других начертаниях, у которых проставлен «в носе крыж». В рядовых знаменных рукописях XVI и первой половины XVII века можно изредка встретить отдельные из приведенных начертаний и некоторые более сложные, также из числа показанных в «перечислении» путного знамени. Такие случаи еще не позволяют предполагать, что песнопение изложено путевой нотацией и принадлежит к путевому же распеву. Причин такого явления можно предположить две. Во-первых, путевая нотация в ранний период образования «выкристаллизовывалась» из знаменной и в отдельных своих начертаниях продолжала пользоваться знаменной нотацией. Во-вторых, — и это более вероятно, — отдельные путевые начертания в определенных случаях применялись в составе столпового знамени. На эту мысль наводят следующие строки одной из азбук: «А у коего знамени... аще обрящется в начале приписан крыж, еже есть сице (дан пример), таковые знамена поются низко. Ведомо да будет: еже кая знамения путная² вместо коеждо столпового знамени поются, путной параклит вместо столповой статии светлой, тако же и прочая».³ Путевой параклит, стало быть, не является единственным знаменем, которое оказывается общим в обоих видах знамени. В таком положении находятся еще и «прочая» знамена, какие именно — азбука не называет. Очевидно, у путевого знамени существовали какие-то свои особенности, которых не было в столповом знамени и которые знаменной нотации приходилось заимствовать у путевой. Тем не менее случаи введения путевых начертаний в столцовую нотацию еще должны быть тщательно проверены по рядовым

¹ Помещая в один ряд с другими знаменами сорочью ножку с крыжом, автор азбуки подтверждает самостоятельность распева этого начертания. Оно выходит, таким образом, из состава добавочных знаков и становится самостоятельным знаменем. Без этого сорочью ножку нельзя было бы пропеть «низко».

² какие-либо путевые знамена

³ БЛ, ф. 304, № 449, л. 329 и об. (до 1644 г.).

рукописям. Все же присутствие отдельных путевых начертаний среди нотных строк знаменных рукописей налицо.

Довольно ранняя путевая азбука¹ повествует о том же несколько более подробно: «А у коего знамени, у стрелы, или у крюка, или у статьи, или у скамейцы, или у запятые, или у подчашия, или у стопицы, или у сокольица, еже есть сицово знамя (на л. 404 об. показаны все перечисленные знамена), таковое знамение² поется низко все», после чего следует: «Розвод путных закрытых строк столповым знаменем и объявление. Каяждо строка знаменная в путных поется. Объявлено в гранях. Внимай остроумне: путной параклит вместо столновой статьи светлой. Тако ж и прочая разумевай» (лл. 404—405).

Примечательно, что в столь ранние годы (до 1622) составитель азбуки уже использовал форму таблиц. «Гранями» он называет столбцы таблиц, в которых сопоставляются начертания путевой и знаменной нотаций — обычный прием поздних азбук. В «гранях» азбуки путевое знамя написано киноварью, а столповое — чернилами. Азбука содержит также несколько путевых фитных начертаний, без разводов. К сожалению, разводов путевых (так же, как и демественных) фит ни в одной азбуке обнаружить не удалось.

В сравнении со знаменными, путевые фитники кажутся недоразвитыми, да и в перечислениях можно насчитать всего по несколько начертаний фит. В руководстве инока Христофора их 5, в азбуке № 449 и в рассматриваемом фитнике — по столько же. В начертаниях имеются незначительные разночтения. Названия путевых фит таковы:³ фита громная, фита постоянная, фита поводная, фита громозельная, фита чертожная. Нетрудно заметить, что в части наименований путевые фиты находятся в полной зависимости от столповых, в точности повторяя названия последних. Помещаются путевые фитники в конце перечислений знамен.

Во многом близки путевым азбукам и азбуки демественные, которых, заметим, больше. Кроме того, в некотором отношении они более развиты.

Включение в певческие сборники знаменно-демественных азбук — не редкость, однако нет ни одной рукописи, посвященной демству, которая, подобно азбуке инока Христофора, относилась бы к первым годам XVII века. Наибольшего развития демественные руководства достигают в конце этого столетия, особенно же в XVIII веке. В приемы изложения и формы построения теоретических руководств демественные азбуки не вносят ничего нового, повторяя то, что ранее было достигнуто знаменными руководствами. Тем не менее демественные азбуки

¹ БЛ, ф. 37, № 240 (до 1622 г.).

² знамя?

³ Даются по фитнику рукописи № 240.

в некоторых отношениях от них все же отклоняются, что частично объясняется их более поздним происхождением.

Если знаменные и путевые азбуки имеют форму, которую мы называли «перечислениями знамени», то деместву эта форма неизвестна. Демественные азбуки формировались по преимуществу в виде таблиц (вертикальных столбцов или клеток) с объяснением распева отдельных демественных знамен демественным же или столповым дробным знаменем. Обращает на себя внимание то, что в демественных азбуках *не даются* наименования знамен. Следует подчеркнуть, что в деместве, как и в путевом знамени, начертания нотных знаков также состоят из элементов столпового знамени. В сравнении с путевой, демественная нотация представляется значительно более сложной, особенно в позднейших формах. Отдельные простые демественные начертания совпадают с путевыми, и те и другие — со столповыми. В старых рукописях, особенно XVI века, это иногда делает три названные нотации трудно различимыми, особенно в тех случаях, когда ими излагаются песнопения простые, с малоразвитым напевом. Что же касается позднего демества, то его можно сразу отличить от других нотаций, но чтобы представить себе все особенности демественной нотации — одних азбук мало. Неизбежно приходится обращаться и к рядовым рукописям. Тем не менее певческие азбуки, несмотря на их малочисленность, занимают важное место как документы, освещдающие путь и демество на ранней ступени их развития. Со стороны палеографической они также играют важную роль. Первоначальные начертания этих двух нотаций не только могут быть определены методами палеографии (что еще не сделано), но и поставлены на свое место в их взаимодействии с отдельными начертаниями столпового знамени.

Возвращаясь к собственно начертаниям демественного значения, следует отметить, что в большинстве они представляют собой не одиночные знаки, а несколько соединенных друг с другом простых, но самостоятельных начертаний, как бы «сцепление» знамен. В демественных азбуках отражена только техническая (графическая) сторона нотации (толкование знамени отсутствует), в силу этого можно предположить, что своей основательно развитой *теоретической системы* демественное пение не имело. Некоторые следы «теории» демества можно усмотреть только в рядовых демественных рукописях, при этом — почти исключительно в многоголосных. Эта «теория» находит свое выражение лишь в названиях отдельных голосов — «низ», «путь», «верх» и «демество» — и в нескольких указаниях исполнительского порядка, а именно: «захват демеством», «почин верхом», «низ против демества», «путь к деместву» и т. п. (названия голосов при этом могут меняться). О подчиненности демества гласовой системе можно судить по заголовкам песнопений рядовых демественных рукописей, как и азбук, в которых поме-

щаются указания на гласы. Сколько-нибудь развитые и подробные демественные азбуки «оформляются» очень поздно — не ранее XVIII века, тогда как демественное одноголосие попадается в рукописях середины XVI века, так же как и многоgłosие, изложенное в одну строку с соответствующими наименованиями голосов.

Как бы широко ни была распространена западноевропейская нотная система и каким бы успехом она ни пользовалась у певцов, все равно существовали лица, пытавшиеся изобрести свои формы нотной записи, по их мнению — более удобные и простые. Они не прибегали при этом ни к двознаменникам, ни к «Грамматике» Николая Дилецкого. Целью их изобретений была запись знаменного распева, но в нем они были столь же мало осведомлены и беспомощны, как и в западноевропейской музыке. Не беря на себя никаких задач принципиального порядка, они стремились только к возможно большему упрощению обучения пению, создавая для этого какую-то новую, собственную систему нотного письма, хотя в глубине души у них еще сохранились смутные воспоминания о старине.

Ст. Смоленский в работе «О древнерусских певческих нотациях» упоминает две рукописи, представляющие собой попытки изобретения певцами собственных нотаций. Первую из них он относит к концу XVII века. Ст. Смоленский пишет: «Другая нотация (он присваивает ей наименование «Значкового письма»), также XVII в., найдена в певчей тетради из Пермской губ. Система своеобразных певческих черных значков расположена в киноварном стане в 3 линии и состоит также из означений в $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ и $\frac{4}{4}$ такта. Текст рукописи Иосифовский; распев знаменный; содержание — несколько великопостных обиходных песнопений. Эта нотация, как и предыдущая (имеется в виду «Красное знамя»), читается совершенно легко, но также не приспособлена к даче ритмических и нюансовых указаний».¹

Не имея возможности проверить определение возраста рукописи, сделанное Смоленским, мы позволяем себе подвергнуть его сомнению, ввиду того, что в конце XVII века почва для появления «экспериментальных» нотаций и соответствующих теоретических руководств не была подготовлена. Время для них не пришло, потому что пятилинейная система еще недостаточно укоренилась. Смоленский делает еще несколько замечаний об «экспериментальных» нотациях, мы приведем их после рассмотрения «Красного знамени».

Рукопись «Красного знамени» сохранилась.² На обороте листа 200 этого сборника значится: «Во славу единого в троице поклоняемого бога, отца и сына и святого духа написаны

¹ Ст. Смоленский. О древнерусских певческих нотациях, стр. 103. Говоря об этом памятнике, мы вынуждены предоставить слово Смоленскому, так как рукопись уже в течение многих лет значится утраченной.

² ГИМ, Певческое собр. № 109.

был(и) двадцать праздников господских и богочестных под знаменем, зововым *Красным*, первые роспеву российского (и) вторые того же знамени, роспеву греческого,¹ лета от Рождества по плоти бога слова 1702 г.² (далее что-то выскооблено) месяца Июля в 4 день, на память иже во святых отца нашего Андрея, архиепископа Критского». Дата 1702 года не внушает сомнений, так как подчистка произведена после нее.

Далее следует заголовок (л. 201): «Хотящему знати красное знамя азбуки зде приложися». (Заметим, что это редкий, если не единственный известный случай наименования теоретического руководства «азбукой», что не следует смешивать с «роспетой азбукой».) После заголовка дается объяснение начертаний нотных знаков. Они распадаются на четыре вида по длительности. Чему равны длительности, в азбуке не говорится, однако об этом нетрудно догадаться по наименованиям знаков, которые разделены на знамя «скороходкое», «ходкое», «ступовое» и «косношественное». Четыре названия явно указывают на длительности: целой ноты («косношественное»), половинной («ступовое»), четвертной («ходкое») и восьмой («скороходкое»).

Написание знаков таково:

«Скороходкое сице»

У Г Л Ч С Л

«Знамя ступовое»

Ц П И Ц П И
УП РЕ МИ УП РЕ МИ

«Знамя ходкое»

У Г Г У Г Г
УП РЕ МИ УП РЕ МИ

«Знамя косношественное»

У Ш М У Ш М
УП РЕ МИ УП РЕ МИ

Ч С Л Ч С Л
ФА СОЛЬ ЛЯ ФА СОЛЬ ЛЯ

П Ю П П Ю П
ФА СОЛЬ ЛЯ ФА СОЛЬ ЛЯ

Наивность и ненужность выдумки автора «Красного знамени» очевидны, не говоря о том, что от чтения изобретенных им нотных знаков, когда они расположены над строкой текста, утомляется глаз, которому не за что «зацепиться» из-за графического однообразия начертаний.

Смоленский помещает фотоснимок «Красного знамени» (стр. 102) и делает общее заключение о рассмотренных двух нотациях (стр. 103): «Я не упомянул бы об этих двух нотациях, если бы они не представляли собою новости в нашей науке и если бы они не свидетельствовали о попытках к усвоению напевов с их помощью, вместо 5-линейных нот и крюков. Пытливые умы обоих изобретателей оказались, однако, принадлежащими

¹ В рукописи помещены Праздники двух распевов. Оба написаны одной нотацией.

² Написано славянскими цифрами.

мало талантливым людям, не придумавшим ничего выше заурядной транспозиции». С таким мнением нельзя не согласиться, но, прежде чем дать общую характеристику «экспериментальных» нотаций, рассмотрим еще одну такую нотацию. Она не была известна Смоленскому и другим исследователям безлинейных нотаций и обнаружена нами в двух рукописях, хранящихся в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина. Нет необходимости произвольно подыскивать для этой нотации какое-либо наименование, хотя оно и не дано в самих памятниках.

Первая из рукописей¹ представляет собой Октоих, мелодические строки которого внешне резко отличаются от привычных строк знаменной нотации. Происходит это оттого, что в новой нотации отсутствуют начертания столпового знамени, имеющие горизонтальные черты (как, например, стрелы, скамеицы и др.). Сохранены только четыре столповых знамени: палка, стопица, статья простая и чашка. «Вертикальность» нотации особенно подчеркивается жирным, грубым и прямостоящим начертанием палки. Текст писан с сохранением сильного раздельноречия, а это свидетельствует о том, что рукопись написана поздно (за что говорят и палеографические данные); представителем одной из старообрядческих сект, до последнего времени сохранивших раздельноречие богослужебных текстов.

Вторая рукопись,² в сравнении с первой, представляется более полной по содержанию и лучше написанной в техническом отношении. Кроме того, к ней приложена небольшая азбучка, содержащая небезинтересные сведения. То, что первая рукопись — Октоих, а вторая — Иrmологий, заставляет предположить, что посредством данной нотации были изложены и другие основные богослужебные книги, как-то: Праздники, Обиход, Триодь и т. п. Можно допустить, что данная нотация в определенном узком кругу старообрядцев имела некоторое распространение.

Собственно «азбука» начинается с листа 116 изображением орнаментированного «ключа», как и у Тихона Макарьевского, однако в бородке ключа, на трех ее зубцах, написано: «Основательные согласия» и проставлены наименования *ут, ре, ми*. Внутри ушка изображены четыре столповых знамени: статья простая, стопица, палка и чашка, а в нижней части листа помещена следующая таблица:

II	II
УУУУ	УУУУ

¹ ГПБ, собр. П. Тиханова № 533 (XIX в.).

² ГПБ, собр. Духовной академии, А II 112 (XIX в.).

Справа от таблицы пояснительная надпись: «Статия состоит в полной мере. Имеет в себе 2 стопицы. А в них по 2 палки, а в сих по 2 чашки. И тако в статии стопиц 2, палок 4, чашек 8».

С листа 117 начинается «Азбука кратконачертанная из старознаменного пения: ради удобного скоропонятия учащимся и способности в произвождении действительного пения, сочинена предлежащим в порядке видом» (следуют проучки). Проучек дано четыре — по числу знамен, принятых в нотации: «проучка 1-я статейная», «проучка 2-я стопичная», «проучка 3-я палочная» и «проучка 4-я чашечная». В каждой проучке помещено подобие горовосходного холма и даны наименования звуков — *ут*, *ре*, *ми* и т. д. Проучки как педагогический прием общеприняты в поздних азбуках, и возвращаться к ним нет надобности. Гораздо больший интерес представляет раздел азбуки под заголовком «Фиты».

В настоящей работе освещены особенности знаменного фитного пения, причем отмечено, что азбуки не сообщают сведений о его существе и теории. Рассматриваемая азбука, как это ни неожиданно, такие сведения содержит, хотя и в очень небольшом объеме. Несмотря на то, что рассматриваемый источник поздний, к разделу «Фиты» следует отнестись внимательно, ибо даже источник XIX века может отражать какие-то бытовавшие ранее традиции фитного пения.

В разделе о фитах говорится (л. 120), что «фиты надлежит писати по гласам таким видом. Например: 1, 2 или 3, 4, 5 гласа.

 И колико будет в книге гласов, и в гласах фит, толико разводов их и писать позади в книге. А в строках, к фитам принадлежащи(х), по гласу учинять *малый приступ* и по том знамя фиты полагати. А за сим, аще есть в распеве оном последующие фиты речения слоги, то сии должно по фите под знаменем писати (дан пример). Аще ли посреде фиты речения слог будет, то оный под самою фитою полагати, яко (пример). Ежели же посреде фиты слога два или три будет, малое между собой расстояние имуще, то оные лучше писать в розводе, яко (пример). И от сих примеров может писатель разуметь, где и како фитный розвод или сократить, или распространить. А вольно, ежели восходит, малые фиты и вси лица везде писать в полном розводе».

Изложение правил построения и написания фит во многом напоминает особенности фитного пения, которые можно наблюдать непосредственно в начертаниях и разводах фит рядовых певческих рукописей, изложенных всей знаменной нотацией (а не четырьмя знаками, как в данной азбуке). В рассматриваемой части азбуки содержатся глухие отголоски явно существовавшей некогда теории фит, которая, однако, не нашла отражения ни в одном из других известных фитников. В част-

ности, азбукой даются некоторые указания, как следует размещать слоги текста под начертанием фиты и ее разводом. Любопытно и то, что с точки зрения автора руководства, «может писатель¹ разуметь, где и како фитный розвод или сократить, или распространить».

Дальше даются сведения под заголовком: «О отменном различии гласа», прямо указывающие на связь с «Грамматикой» Дилецкого: «Случается в гласе иногда *отмена*, как то бывает, поется соль нижнее мало своего согласия, а выше же фы:² яко бы между ими состоится. И тако от сего нарещися оное может отменное согласие знаменным различием. Бывает же сие между сол и фы, фы и ми (?), ре и ут» (л. 120 и об.). Для подобной «отмены» составителем азбуки предусмотрен особый значок — «кавычки», имеющий вид опрокинутой чашки.

Какой же звук помещается между *соль* и *фа*, между *ре* и *ут*, одним словом — между двумя звуками, составляющими цеплый тон? Им будет третий звук, «пониже» *соль* и «повыше» *фа*, то есть *соль-бемоль*, и во втором случае — *ми-бемоль*. В азбуку, таким образом, вводится понятие хроматизма, понятие «отмены», то есть бемоля. Свои положения составитель азбуки сопровождает примерами, в которых на многих пометах стоят вышеназванные «кавычки».

После нескольких чистых листов в азбуке помещено «Винословие на предлежащее сочинение».³ По существу «винословие» представляет собой введение ко всему труду, хотя и занимает место послесловия. «Винословие» довольно растянуто и скучно, но очень характерно и, кроме того, словами самого составителя раскрывает те причины, которые заставили его пуститься на изобретение новой нотации. Его рассуждения могут быть в значительной степени распространены и на «Значковое письмо», и на «Красное знамя».

В начале своих объяснений составитель сообщает о том, что написание рукописи новым способом явилось плодом «рассуждений» с «советом благоразумных мужей», который и утвердил выбор «нужнейших» нотных знаков. Избрано четыре знамени (это из всего богатства «великопространнейшего старого знамени», четыре из *десятков* знамен, которыми располагает знаменная нотация!). Избранными оказались: статья простая, стопица, палка и чашка. Очевидно, «мудрейшие мужи» предпочли внешне наиболее отличные друг от друга знамена, причем не было даже учтено музыкальное значение, которое они имели, находясь в составе столпового знамени. Так, стопица не всегда имеет длительность половинной; палка, как правило, рассматривается не как четвертная, а как половинная. Распеву чашки придано значение восьмой, тогда как в столповом знамени он равен полу-

¹ То есть пишущий, распевщик.

² выше *фа*

³ См. Приложение IV.

винному звуку. Сказанное обнаруживает, что «мудрейшие мужи» не имели понятия о богатстве знаменной нотации и смотрели на нее только как на набор нотных знаков, практически не нужный.

Составители пытаются застраховать себя от нападок тех ревнителей старины, которые захотят в их адрес «произвести поношение». В свою защиту они выдвигают три положения: во-первых, новая нотация вводится не насильно; во-вторых, не преподносится как «весьма возвышенная», в сравнении со старой, и, в-третьих, ее изобретение является следствием «смирения», «немощи», неспособности понять «сущность пения», если знамен очень много. Кроме того, новая система не может быть совершеннее прежней, коль скоро она из старого «есть изъята», со всяkim к нему, то есть к старому, почтением. Что касается текста, то он вообще не нов и также «изъят из старого».

Много места в «Винословии» уделено обоснованию того, что преимущество новой нотации заключается в ее простоте и краткости. Что проще усвоить ученику — четыре знамени (точнее — условных знака) или несколько десятков их? Конечно, четыре!

Стремление к краткости авторы пытаются всячески оправдать, не понимая, однако, того, что оно является следствием не их «смирения» и «немощи», а распада всей системы знаменного пения, начавшегося на добрых два столетия раньше появления рассматриваемой азбуки. Недаром еще в рукописях XVII века можно встретить сокращения некоторых напевов с примечанием к ним: «бодрости ради». Тщательное и долгое исполнение знаменных песнопений стало утомлять и певцов, и прихожан, из чего и выросло стремление к упрощению и краткости. Появление распевов «бодрости ради» и всякого рода азбук, вроде «Значкового письма», «Красного знамени», в особенности же системы, наблюдавшейся в рукописях № 533 и 112, говорит о разрушении музыкального существа знаменного распева, которого составители перечисленных азбук и не знали и не понимали. Все сводилось к необходимости пропеть положенное по уставу, но так, чтобы это было по возможности скорее и легче.

Графическую сторону рассматриваемой нотации вряд ли можно считать удачной. Отсутствие нотных знаков с горизонтальными чертами и частое применение палки делает «новую» нотацию неудобочитаемой: от нее буквально рябит в глазах.

В те годы, когда знаменная нотация была господствующей, а киноварные пометы представляли собой лишь добавление к ней, основное значение имели знамена, а не пометы. Знамена давали певцу все необходимое для того, чтобы исполнить напев, и, если бы помет не было, исполнитель не стал бы в тупик и не прервал пения. Обратная картина наблюдается при исполнении песнопений, изложенных «новой» нотацией. В ней знамя имеет самое небольшое значение, определяя собой только длительность звука. Все остальное, что включается в музыкальное содержание, в само понятие знамени — исчезает начисто. Певец

вынужден смотреть только на киноварные буквы — обозначения нот *ут*, *ре*, *ми* и др. Уберите эти названия — и пение остановится, потому что самая музыка, самое содержание напева оказывается перенесенным из знамен в стоящие над ними киноварные буквы («пометами» в прямом значении их назвать нельзя).

Подытоживая сказанное относительно рукописных азбук разных систем, остается заметить, что даже такие довольно развитые системы, как путь и демество, не могут спорить со знаменным распевом и его теоретической основой, свидетельство чему азбуки — знаменные, путевые и демественные. Однако путь и демество имеют некоторую историческую давность, коль скоро они появились в XVI веке. Даже и «Казанское знамя» — при почти полном отсутствии источников, позволяющих судить о нем, — является порождением знаменного распева и связано с ним, что же до «экспериментальных» нотаций и тех теоретических основ, на которых они зиждятся, то ждать от них чего-то по-настоящему нового и заслуживающего внимания не приходится.

Если путь и демество вместе с их нотациями представляют собой новые, хотя и зависимые от знаменного распева музыкальные системы, то «Значковое письмо», «Красное знамя» и «новая» нотация рукописей 533 и 112 находятся в совсем ином положении. Эти три нотации имеют только служебное значение. Это лишь попытка «новыми» нотными знаками, упрощенными и беспомощными, передать тот же самый, давно известный знаменный распев. Для записи же знаменного распева существует только одна, в полной мере выражающая его, *знаменная нотация*.